

УДК 94(510).08

DOI 10.1870/HUM/2304-9480.7.09

А. Е. Макина

ПРИЧИНЫ НЕУДАЧНОЙ ПОЛИТИКИ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ В СИНЬЦЗЯНЕ 1884–1912 ГГ.

МАКИНА Александра Евгеньевна – магистрант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.

E-mail: makina.ae@edu.spbstu.ru; spandgen@gmail.com

В статье рассмотрены основные причины неудач политики Цинской власти в Синьцзяне 1884–1912 гг., а также последствия проведения этой политики для последующих отношений линии Синьцзян – центральная власть.

ЦИНСКАЯ ИМПЕРИЯ; СИНЬЦЗЯН; ИСТОРИЯ СИНЬЦЗЯНА; ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН; НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ

Предлагаемая статья содержит анализ деятельности цинского правительства в Синьцзяне за вполне конкретный промежуток времени – 5 ноября 1884 г. произошел окончательный захват Цинской империей этой территории, и ее присоединение к китайским землям в качестве провинции; до 1912 г. (именно этот год является завершающим в процессе крушения империи Цин после Синьхайской революции 1911 г. и последовавших за ней событий) существовал цинский Синьцзян в заданных границах.

Анализ осуществлен на основе отчетов русского посла, путешественников и военных русской стороны. Важен также вклад в исследование этого вопроса иностранных путешественников и историков через публикации монографий и статей. Проблема Синьцзяна – а, точнее,

поиска подходов в управлении им остается актуальной для Китая и на данный момент. Более того, возможно, в данный момент происходит новый виток в отношениях линии Синьцзян – китайское правительство. Об этом свидетельствует, например, исследование ВВС в 2018 г. [1].

Вероятно, именно период реформ и правления Цин в Синьцзяне 1884–1912 гг. дал начало непростым отношениям центральной власти с жителями присоединенной территории. Необходимо рассмотреть, в чем могли заключаться причины, вызвавшие сложности и последующие неудачи в проведении политики Цинской империей в отношении присоединенного региона, что и является целью исследования. Для этого решаются следующие задачи: необходимо понять, в чем заключалась специфика населения и региона, насколько он был изучен и проходим, какие именно сферы подвергались реформам и по каким пунктам они закончились неудачей.

Китай как государство вплоть до XX в. оставался монархическим – в отдельные периоды власть сменялась, существовал не единый центр, а несколько разрозненных, но принцип оставался прежним: именно идея централизации власти, объединения народов под правлением китайского императора и являлась основой политики императорского Китая. Иная, не менее популярная концепция «слабого управления варварами» предусматривала необходимость надзирать за землями вне Китая для обеспечения безопасности империи.

Следуя этой концепции, в 1755 г. цинский император Цяньлун 乾隆 в «Описании усмирения чжунгар» (Пиндин Чжуньгээр Фанлюэ 平定准噶爾方略) говорил о необходимости умиротворения и присоединения народа на севере от империи (вместе с Восточным Туркестаном). Столетием позже дискуссия о необходимости присоединения Синьцзяна 新疆 продолжалась. Наряду с идеями в традициях «Описания усмирения чжунгар» были представлены и противоположные взгляды: Ли Хунчжан (李鴻章, 1823–1901) выступал против присоединения Восточного Туркестана (ВТ) и оспаривал необходимость в этом, однако политическая программа империи Цин преследовала цели интеграции региона в Китай [5, p. 65].

Китайской, а точнее, цинской, эта территория впервые стала в конце XVIII в. (целесообразно разграничить Синьцзян цинского и

республиканского периодов, так как форма правления и, в целом, политика этих двух государств принципиально различались: при республиканцах народ Синьцзяна, так или иначе, стал считаться полноправной частью государства наряду с другими народами).

За свою долгую историю статус ВТ менялся много раз: к примеру, после первой попытки присоединения к Китаю его территория была наместничеством (с 1760 г.). Позднее регион распался на отдельные государственно-подобные образования (с 1863–1865 гг.), часть его (Кульджа, Западный Туркестан) находилась в составе Российской империи, а государство Якуб-бека (до 1877 г.) даже было признано самостоятельным некоторыми из мировых держав (Великобританией, Россией, Османской империей) [6, с. 220; 17].

Прежде всего, благодаря работе Российского Географического Общества (РГО), появившегося в XIX в. и его огромному вкладу в развитие истории Центральной Азии, русские путешественники и историки более позднего периода сделали возможным комплексное изучение особенностей территории и социального, а также материального положения людей, населявших Синьцзян [7; 12]. В предшествовавшие периоды имелись только уйгурские и китайские источники, которые, по мнению многих исследователей, не могут считаться ориентиром [2; 17].

Важно отметить географическое положение региона как один из важнейших факторов его развития. Образуют его Джунгарская равнина и Таримская впадина; земли, окруженные горами со всех сторон, кроме востока, являются практически изолированными от внешнего мира. Несмотря на это, именно здесь проходил Великий Шелковый путь, развивалась торговля с представителями арабских и европейских стран. Наличие всего одной главной реки обусловило принцип расселения людей по территории современного Синьцзяна – жители размещались преимущественно оазисами по берегам рек, где и проходила их основная жизнь – торговля, хозяйство [8; 9]. В силу этих особенностей и довольно сухого и сложного для ведения хозяйства климата, территория была мало освоенной.

Религиозная составляющая и её влияние на традиции и управление регионом, безусловно, важны в контексте исследования ситуации в

Синьцзяне: подавляющее большинство местного населения относилось к мусульманам суннитского или шиитского толка [8]. Таким образом, общество находилось в строгих рамках исламских законов и традиций.

После включения ВТ в состав Цинской империи уровень хозяйств, благосостояния населения и их настроений характеризовался как депрессивный и русскими, и иностранными военными и путешественниками [13; 14]. Вероятно, в процессе того, как управление регионом приводилось в соответствие с принципами, по которым функционировали другие китайские земли, цинские власти столкнулись со сложными, а порой и вовсе неразрешимыми проблемами. О масштабе сложностей и противоречий говорят случаи жалоб местного населения внешней стороне – русскому консулу в Кашгаре и русским представителям в Западном Туркестане. Также имела место массовая эмиграция за пределы китайского государства [16, с. 14].

Действия Цинов, направленные на то, чтобы включить в свой состав территорию, а затем всячески ограничить в правах и возможностях ее население, менять его уклад и традиции, унижать бывших чиновников и людей высокого статуса и, в целом, приводить захваченные земли в упадок и застой, «нарочно настраивать население против себя» [11, с. 22], могут показаться нелогичными. Русский консул в Кашгаре Н.Ф. Петровский, а также иностранные исследователи (К.П. Скрайн, П. Найтингейл) называли Синьцзян «неофициальной колонией» Китая, полагая, что его присоединение было необходимо лишь для обогащения ресурсами своего государства [11]. Вместе с тем, весьма резкие действия, производимые цинскими властями, можно относить к вынужденным, обусловленным внешними факторами: появлением России и Великобритании у границ новой провинции. Соседняя Индия находилась под властью английской короны, Западный Туркестан относился к русским землям, потому оба государства были непосредственно заинтересованы в стабильности ситуации вблизи от своих границ, в приобретении ресурсов, стратегически важных объектов (Памир), археологических памятниках и рынках сбыта.

Присутствие России у границ новой цинской провинции могло в большей мере повлиять на процесс проведения реформ: в частности, довольно отчетливо прослеживалась разница в условиях жизни в русском

и китайском Туркестанах, со сравнением не в пользу последнего. Большой объём торговли в Синьцзяне занимали русские товары, что делало контакт с русскими неизбежным. В волнения, опередившие или совпавшие по времени с крупным Ихэтуаньским восстанием (в частности, Дунганское восстание 1895 г., описание которого, выполненное Н. Стрельбицким, было опубликовано в «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии» [16]) и происходившие позже, когда отзвуки ихэтуаньских событий достигли Синьцзяна, активно вовлекалась и русская сторона. В силу того, что и русское, и британское консульства находились на территории Синьцзяна, безопасность консулов необходимо было обеспечить: в июне 1912 г. для защиты русского консула и подданных в Синьцзян вошел отряд из 300 казаков и двух пехотных рот – выведен он был только в октябре 1913 г. [11, с. 37].

Помимо внешнеполитических трудностей, Цинская империя не справлялась с реорганизацией внутреннего устройства Синьцзяна и по другим причинам. Увеличение количества вооруженных отрядов китайской армии показывало взаимное недоверие новой власти и населения – в 1885 г. соотношение войск к местному населению достигло 1/45 [14, с. 234]. Показательные унижения местной элиты и бывших правителей региона новыми стражами также подогревали неприязненное отношение населения к установившемуся режиму.

Кроме увеличения количества войск важна была и их качественная составляющая: по мере роста дефицита бюджета в Синьцзяне и обострения внешнеполитических противоречий империи Цин (войны с Францией, Японией), происходил отток войск и деморализация оставшихся сил [4, р. 158]. Без уплаты жалования солдаты стали сбегать и присоединяться к кочевникам для грабежа местного населения – таким образом, армия не только не способствовала поддержанию порядка, но и стала ему препятствовать.

Финансовый кризис повлиял не только на войска: бумажные деньги и монеты имелись в обиходе только у чиновников, в результате чего для остальной части населения возможной была лишь меновая торговля. Введение таможенных пошлин в 1888 г. наложило определенное бремя и

на эту, едва ли не единственную успешную отрасль экономики в Синьцзяне.

Среди проблем периода 1884–1912 гг. не последнее место занимал голод (в конце XIX вв. 2–3 года подряд были неурожайными). Попытки распространить шелководство и иные новые формы хозяйства в регионе практически не имели успеха в силу особенностей климата.

Однако предметом особых недовольств населения стали реформы в социальной сфере: вводилось образование по китайским классическим книгам, детям давались новые короткие имена на китайский манер, устанавливалась форма одежды, запрещались мусульманские школы, родной язык вытеснялся китайским. Последнее вызвало большой отток населения из Синьцзяна. Дж.А. Миллвард также отмечал, что многие родители потеряли возможность общаться со своими детьми в результате созданного языкового барьера [5, с. 146]. К слову, такой барьер имелся и в общении новой власти с местным населением, так как ни одна сторона не знала и не хотела знать языка другой.

Рассматриваемый период стал временем постоянных волнений. По некоторым подсчетам, между 1896 и 1911 гг. в Китае в целом произошло порядка 653 восстаний – примерно 43 восстания в год [3, р. 139]: чем слабее становилась власть, тем решительнее разворачивалась оппозиционная деятельность в Китае. К первым годам XX в. началось нарастание волнений в регионе, активизировалась деятельность антиманьчжурских тайных обществ и подпольных революционных комитетов (Тунмэнхуэй 同盟會, Гэлаохуэй 哥老會). Некоторые из специалистов ассоциируют рост недовольств именно с деятельностью этих объединений [10, с. 258]. Нельзя не отметить, впрочем, что с крушением власти Цинов Синьцзян не заявил о своей независимости, что косвенно подтверждает существование серьезных разногласий среди местного населения относительно преимуществ и недостатков вхождения в китайское государство.

Таким образом, хотя политика новой власти в отношении Синьцзяна во многом была unsuccessful, общество стало значительно более стабильным, сплоченным, а система управления более упорядоченной. Новая власть стремилась к калькированию своего метода управления и в

Синьцзяне; она, однако, пыталась «подтягивать» регион до уровня китайских земель путем проведения административных, экономических и иных преобразований.

К числу наиболее важных причин, не позволившим Цинам добиться успеха в управлении территорией, относится неготовность новой власти учитывать местную специфику при проведении аграрных и социальных реформ. В чрезвычайно невыгодном свете оказывалась цинская власть при сравнении Восточного Туркестана с Западным, невыгодном настолько, что часть жителей переселялась за пределы империи Цин. Русское присутствие в Западном Туркестане, скорее, лишь усугубило вопрос неэффективности цинских реформ.

Период 1884–1912 гг. стал решающим при выработывании принципов управления регионом и определяющим в отношениях по линии Синьцзян – центральное правительство и во многом сформировал модель отношений столицы с местными властями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Садуорт Дж.** Как в китайских тайных лагерях "перевоспитывают" мусульман-уйгуров. Расследование Би-би-си. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-46019069> (дата обращения: 10.06.2019).
2. **Bhattacharya A.** Conceptualizing Uyghur Separatism in Chinese nationalism // Strategic analysis. 2007. Vol. 27. No. 3. P. 357–381.
3. **Ferguson R.G., Dellios R.** The politics and philosophy of Chinese Power: the Timeless and the Timely. Md. Lexington Books, 2016. 306 p.
4. **Millward J.A.** Eurasian Crossroads. A History of Xinjiang. N.Y.: Columbia University Press, 2007. 440 p.
5. **Starr S.F.** Xinjiang: China's Muslim Borderland. M.E. Sharpe Incorporated, 2004. 484 p.
6. **Бармин В.А., Дмитриев С.В., Шматов В.Г.** Синьцзян: очерк истории региона // Общество и государство в Китае. 2016. Т. 46. № 2. С. 209–244. ISSN: 2227-3817.
7. **Воробьева-Десятовская М.И.** Великие Географические Открытия русских ученых в Центральной Азии // Вестник Русской Христианской гуманитарной академии. 2009. Т. 10. №.3. С. 7–22 ISSN: 1819-2777 eISSN: 1819-2777.
8. **Корнилов Л.Г.** Кашгария и Восточный Туркестан. 1903. 445 с.
9. **Куропаткин А.Н.** Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. 1879. 435 с.
10. **Моисеев В.А.** Россия и Китай в Центральной Азии. Барнаул: Аз Бука, 2003. 346 с.

11. **Петровский Н.Ф.** Отчет о Кашгарии // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1886. Вып. 22. С. 1–61.
12. Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX начале XX века: сб. ст. / под ред. И.Ф. Поповой. – СПб.: Славия, 2008. – ISBN: 978-5-9501-0159-5 – 244 с.
13. **Пржевальский Н.М.** Путешествия к Лобнору и на Тибет. М.: Дрофа, 2007. 1264 с.
14. **Путята Д.В.** Китай: Географический очерк. Население. Государственный бюджет и внешняя торговля. Вооруженные силы. Русско-китайская граница // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1895. № 59. 265 с.
15. Русско-китайские отношения 1689–1916, офиц. документы. М., 1958. 142 с.
16. **Стрельбицкий Н.** Дунганское восстание 1895 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1896. № 67. С. 157–164.
17. **Тихонов Д.И.** Уйгурские исторические рукописи конца XIX – начала XX вв. // Ученые записки Института Востоковедения. 1954. Т. IX. С. 146–173.

REFERENCES:

1. **Saduort Dzh.** *Kak v kitajskih tajnyh lagerjah "perevospityvajut" musul'man-ujgurov. Rassledovanie Bi-bi-si* available at <https://www.bbc.com/russian/features-46019069> (accessed 10 June 2019).
2. **Bhattacharya A.** *Conceptualizing Uyghur Separatism in Chinese nationalism* // Strategic analysis. 2007. Vol. 27. No. 3. P. 357–381.
3. **Ferguson R.G., Dellios R.** *The politics and philosophy of Chinese Power: the Timeless and the Timely*. Md. Lexington Books, 2016. 306 p.
4. **Millward J.A.** *Eurasian Crossroads. A History of Xinjiang*. N.Y.: Columbia University Press, 2007. 440 p.
5. **Starr S.F.** *Xinjiang: China's Muslim Borderland*. M.E. Sharpe Incorporated, 2004. 484p.
6. **Barmin Valery A., Dmitriev Sergey V., Shmatov Vasily G.** *Xinjiang. An outline of history*, *Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae*, 2016, Т. 46, № 2, pp. 209–244. ISSN: 2227-3817.
7. **Vorob'eva-Desjatovskaja M.I.** *Velikie Geograficheskie Otkrytija russkih uchenyh v Central'noj Azii*, *Vestnik Russkoj Hristianskoj gumanitarnej akademii*, 2009, Т. 10, №.3, pp. 7–22. ISSN: 1819-2777eISSN: 1819-2777.
8. **Kornilov L.G.** *Kashgarija i Vostochnyj Turkestan*, 1903, 445 p.
9. **Kuropatkin A.N.** *Kashgarija. Istoriko-geograficheskij ocherk strany, eja voennyja sily, promyshlennost' i torgovlja*, 1879, 435 p.
10. **Moiseev V.A.** *Rossija i Kitaj v Central'noj Azii*, Barnaul, Az Buka, 2003, 346 p.
11. **Petrovskij N.F.** *Otchet o Kashgarii*, *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii*, 1886, № 22, pp. 1–61.
12. *Russian Expeditions to Central Asia at the Turn of the 20th Century*, Ed. by I.F. Popova, Saint Petersburg, Slavija, 2008, 244 p. ISBN: 978-5-9501-0159-5.

- 13. Przheval'skij N.M.** *Puteshestvija k Lobnoru i na Tibet*, Moscow, Drofa, 2007. 1264 p.
- 14. Putjata D.V.** *Kitaj: Geograficheskiĭ ocherk. Naselenie. Gosudarstvennyĭ bjudzhet i vneshnjaja trgovlja. Vooruzhennye sily. Russko-kitajskaja granica*, Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii, 1895, № 59, 265 p.
- 15.** *Russko-kitajskie otnoshenija 1689–1916*, ofic. dokumenty, Moscow, 1958, 142 p.
- 16. Strel'bickij N.** *Dunganskoe vosstanie 1895 g.*, Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii, 1896, № 67, pp. 157–164.
- 17. Tihonov D.I.** Ujgurskie istoricheskie rukopisi konca XIX – nachala XX veka. *Uchenye zapiski Instituta Vostokovedenija.*, 1954, T. IX, pp. 146–173.

MAKINA Aleksandra E. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. 29, Polytechnicheskaya, St.-Petersburg, Russia 195251. E-mail: makina.ae@edu.spbstu.ru; spandgen@gmail.com

THE REASONS FOR THE UNSUCCESSFUL POLICY OF THE QING EMPIRE IN XINJIANG, 1884–1912

The article analyzes the main reasons for the failures of the Qing government policy in Xinjiang in 1884–1912, as well as the consequences of this policy for the subsequent relations between Xinjiang and the Central government.

THE QING EMPIRE; XINJIANG; HISTORY OF XINJIANG; EASTERN TURKESTAN; THE NATIONAL POLICY OF THE QING EMPIRE
